Полина Змееяд

Факультет древних тайн

Полина Змееяд

Факультет древних тайн

«Автор»
2026

Змееяд П.

Факультет древних тайн / П. Змееяд — «Автор», 2026

! Книга в процессе написания. Планируется не более 3 томов.Проды раз в 2 дня***На руке полукровки-нагайны, студентки Зое Чан проступает метка жертвы: через полгода змеиный бог Кукулькан должен вырвать её сердце на алтаре. Зое не собирается умирать. Она ищет способ обмануть пророчество, а заодно ищет способ избежать внимания профессора Отто Шиу, который ненавидит ее, однако делает все, чтобы ее заполучить.#страсть вопреки ненависти#жестокий герой#злая героиня#факультет археологии и раскопки в джунглях

© Змееяд П., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Пролог 5
Глава 1 7
Глава 2 10
Глава 3 13
Глава 4 17
Глава 5 21
Глава 6 25
Глава 7 28
Конец ознакомительного фрагмента. 31

Полина Змееяд
Факультет древних тайн

Пролог

! Обращаю ваше внимание, что эта история находится в процессе написания. Возможны опечатки. Новые главы выходят раз в два дня.

Планируется несколько томов, скорее всего не более 3, но пока сложно сказать наверняка.

_____

Зое никогда не видела таких огромных хвостов даже у самых сильных нагов. Его основание прижимало ее ноги к каменному алтарю, гибкий конец сковывал руки над головой, не позволяя дернуться ни на миллиметр. Она должна бы испытывать страх, но захлебывалась от злорадного предвкушения.

Тот, кто собирался убить ее – великий змеиный бог, защитник народа нагов – проверял пальцем остроту ритуального кинжала. Его лицо скрывала пернатая маска, видны оставались только глаза теплого, торфяного цвета с черными вертикальными зрачками. Глаза дающего жизнь и отнимающего ее.

Здесь, в маленькой ритуальной комнате на вершине многоступенчатой каменной пирамиды, они одни. На много десятков миль вокруг – только бескрайние джунгли, болота с крокодилами и деревья со змеями, что прячутся среди лиан.

Блик от закатного солнца упал на острое лезвие и ослепил Зое, но она ни на мгновение не закрыла глаз: хотела видеть всю церемонию целиком, и особенно ее финал. Но великий змеиный бог медлил. Он зачем-то отложил кинжал и потянулся к кожаным лентам пернатой маски.

– Хочу, чтобы ты знала, от чьей руки умрешь сегодня, – пояснил он в ответ на ее удивленный взгляд.

– Излишнее благородство, мне плевать, – отозвалась Зое, чувствуя, что захлебывается от подступающего к горлу истерического смеха.

– Не благородство, – маска соскользнула, но бог опустил голову, и его лицо скрыла волна прямых черных волос. – Обычно я не доставляю лишних страданий своим жертвам, но тебе – хочу.

Великий змеиный бог поднял голову, и Зое тут же узнала лицо, которое в последние несколько лет видела почти каждый день. Ошеломленно выдохнула и сцепила зубы. Смех булькал в ее груди, словно она не потомственная нагайна, а жирная жаба.

– Ты еще возляг со мной на этом алтаре, если хочешь унизить полностью, – фыркнула она, осознавая, что могла бы догадаться о личности бога и раньше.

– Эту честь я приберегу для более благородных жертв, – спокойно отозвался змеиный правитель.

– Брезгуешь брать нагайну грязной крови? – тут же разъярилась Зое. – Тогда почему я стала твоей жертвой?

– Брезгую брать тебя, и мне плевать, какая в тебе кровь, – не изменив эмоций ни на йоту, отозвался бог.

Больше они не говорили. Он взял кинжал, и тонкая медная рукоять в виде скалящей клыки змеи показалась слишком хрупкой для широкой жилистой ладони.

Зое с любопытством наблюдала, как двигаются мышцы под загорелой кожей, когда бог заносил над ней оружие. Вскрикнула скорее от неожиданности, чем от боли, когда холодный металл, покрытый парализующим ядом, рассек ее грудь прямо над сердцем.

– И впрямь не слишком то больно, – удивилась она. – Готова поспорить, других своих жертв ты рассекал ровно в тот момент, когда они достигали пика удовольствий.

Змеиный бог не ответил. Лезвие пронзило тело Зое глубже, но все еще слишком легко. Она чувствовала боль, но не такую, от которой можно потерять сознание. Оба знали: чтобы ритуал сработал, богу необходимо вырвать сердце из еще живой, трепещущей груди, и пожрать его прежде, чем оно перестанет биться.

Зое ощутила привкус металла в горле, чувствовала, как подступает злорадный смех, но сдерживалась, чтобы не оплевать кровью одежду. Она хотела видеть, как пальцы змеиного бога касаются ее плоти, как место, которое должно болеть, немеет. Как он ищет, но не находит, и от удивления округляет глаза: там, где должно быть сердце, зияет пустота.

Пощечина обжигает сухое, бледное лицо жертвы, и она наконец разражается булькающим смехом, бессовестно пачкая кровью и алтарь, и свою одежду, и разъяренное лицо жестокого бога – убийцы многих.

Глава 1

Зое Чан

Шестью месяцами ранее

Зое смотрела на татуировку жертвенной метки, которая тянулась от костяшки большого пальца к суставу указательного. Кинжал, с лезвием направленным точно к сердцу, куда бы она ни повернула руку. Ее сокурсники болтали и смеялись в аудитории, дожидаясь прихода преподавателя, она же едва ли слышала их голоса.

Метка появилась прошлым утром, в день, когда не было занятий, и Зое в припадке дикого ужаса целый день терла ее щеткой под водой настолько горячей, что кожа на ладони теперь покрылась пузырями.

– Я думала, стать жертвой Кукулькана – привилегия самых достойных нагайн, – приторный голос раздался над самым ухом Зое, но та даже не повернула головы, продолжая разглядывать татуировку, не в силах отвести глаз от ее простых, и оттого еще более пугающих очертаний.

– Налюбоваться не можешь? Или поверить, что такая огромная ответственность легла на такую лентяйку, как ты? – продолжала сокурсница.

Зое с трудом отвела взгляд от руки. Все, что вызывало в груди чувство ужаса, всегда притягивало ее внимание. Она привыкла смотреть на пугающие вещи до тех пор, пока они не перестанут волновать ее сердце, и готова была пялиться на метку еще сколько угодно времени, внутренне содрогаясь, но не собиралась спускать чужую наглость.

– Завидуешь, Лоретия? Тебе-то отказали в храме твоего возлюбленного триединого бога, – Зое улыбнулась, обнажая острые змеиные клыки.

Приставучая блондинка в идеально сидящей по ее фигуре коричневой студенческой форме на секунду испугалась, отпрянула, но тут же поджала губы, пытаясь показать равнодушие. Зое взглядом опытного хищника видела, как задрожали крылья ее ровного тонкого носа, и как на шее забилась жилка. Нагайна бы с удовольствием вонзила зубы в эту шею и пустила в кровь сокурсницы смертельную дозу яда.

Сделаю это после того, как выпущусь из Академии, – решила она.

Единственной причиной, по которой Зое до сих пор не сожрала половину своего потока, заключалась лишь в том, что она боялась вылететь с курса, а следовательно – лишиться места в дешевом общежитии доступа в библиотеку.

– Еще чего! – опомнившись, парировала собеседница. – Лучше не получить никакой чести, чем получить незаслуженную.

– Я бы с удовольствием отказалась от этой чести. Хочешь забрать метку себе? – улыбка Зое стала еще шире. – Обменяемся кровью – и готово.

Она блефовала. Метку нельзя снять никаким способом. Можно содрать кожу с того места, где она появилась, но тогда метка проступит на мясе, на костях. Можно отрубить себе руку – некоторые меченые жертвы змеиного бога поступали именно так – но тогда метка появится на шее, и острие кинжала по-прежнему будет направлено в сердце. Можно убить себя на месте, но тогда, как гласит легенда, Кукулькан в тот же миг появится перед умирающей, чтобы совершить ритуал и вырвать сердце из ее еще живой груди раньше срока. Правдива ли она, никто не проверял, и Зое не собиралась становиться первой.

Но ее слова подействовали: Лоретия отступила, нервно тряхнула копной золотистых волос и отвернулась.

– Да ты не соображаешь. Наверняка опять всю ночь сидела в библиотеке и мысли у тебя путаются, – фыркнула она.

– Если бы еще эти бдения тебе помогали, Зое! А то читаешь целыми сутками, но знаний как не было, так и нет, – подхватила одна из подруг Лоретии с первого ряда, и стайка отличниц, ее окружавших, синхронно натянула на лица сдержанные улыбки.

Зое коротко прошипела ругательство на родном языке и отвернулась. Снова уставилась на метку в надежде, что на этот раз страх сожмет ее сердце чуть слабее, чем прежде, но вздрогнула так, будто видела татуировку впервые.

Мне нельзя умирать. Нельзя! Как минимум до тех пор, пока….

Очередную попытку побороть парализующий страх прервал преподаватель. Он соизволил явиться лишь спустя пятнадцать минут после того, как колокол оповестил о начале занятий, и студенты тут же замолчали.

Отличницы в первом ряду открыли аккуратные тетради в дорогих кожаных обложках, взялись за модные автоматические чернильные ручки. Да и остальные студенты поспешили показать, что готовы к занятию. Только Зое и еще несколько зазнавшихся богатеньких мальчишек посмотрели на вошедшего профессора равнодушно.

Нагайна видела, какими мечтательными взглядами отличницы провожают широкую спину мужчины и как синхронно вздыхают, когда его длинная черная коса качается от резкого движения головой. Профессор пронизывает Зое взглядом желтых глаз с вертикальными зрачками – взглядом чистокровного нага – и спускается по ступеням между рядами длинных столов и скамеек к огромной доске. На ней виднеются остатки белого мела после предыдущего занятия, и профессор хмурится.

– Кто-нибудь, подготовьте, – он кивает на доску и Лоретия тут же вскакивает, чтобы исполнить приказ.

Недосягаемая мечта по меньшей мере трети студенток академии тем временем обводит взглядом присутствующих. Останавливается на Зое и она, не скрываясь, посылаем ему клыкастую улыбку. Каждая новая неделя в ее нынешнем учебном году начинается с этого взгляда. В прошлом году так она завершалась, поэтому Зое давно привыкла.

– Зое Чан*, – медленно произносит преподаватель своим шипящим акцентом. – Напомните нам даты периода завоевания Унтареоном северо-восточной провинции Улумиль Майяб**.

Профессор читал лекции дважды в неделю. На первую из них Зое стабильно ходила, вторую пропускала с тем же постоянством.

Мелочный ублюдок, – констатировала нагайна, но взгляда не опустила. – Отомстить нормально – и то не может. А еще считается чистой кровью.

– Увы, я не могу напомнить другим того, чего не помню сама, профессор Шиу***.

И снова подметила сдержанные улыбки на губах отличниц с первого ряда. Они уже подняли руки, готовые ответить на любой вопрос.

Профессор Шиу поставил точку в блокноте, раскрытом примерно на середине, и кивнул одной из сокурсниц Зое. Та принялась отвечать, но нагайна не слушала. Еженедельная демонстрация ее глупости завершилась, и потому она могла вернуться к своим делам.

Долги она предпочитала копить и сдавать скопом, а не бегать с ними по одному, и потому не слишком переживала, что их число слегка возросло. Отметила себе на мятом листе вопрос и тему, которую ей предстоит сдать профессору хотя бы на удовлетворительно, чтобы ее допустили до экзаменов, и вытащила из сумки книгу.

Некромантия Унтареона: запретная сторона поклонения триединому богу жизни, смерти и вечности, – гласила затертая надпись, тисненая серебром на черной обложке. Книга пользовалась среди студентов Унтареона популярностью, но вовсе не по той причине, по какой Зое три дня ее доискивалась.

Том необходимо было вернуть уже сегодня вечером – за ним стояла большая очередь, в которую нагайна беспардонно вклинилась – но Зое еще не нашла всего, что в нем искала.

Поэтому она погрузилась во внимательное чтение, стараясь не упустить ни одной детали, которая могла бы ей помочь. Так увлеклась, что не услышала колокол, и подняла голову лишь в тот момент, когда Лоретия, проходя мимо, нарочито сильно толкнула ее бедром в плечо.

– Профессор Шиу зовет тебя, – с досадой прошипела она, но получилось не так эффектно, как вышло бы у Зое.

Что нужно этому козлу теперь? Он же принимает пересдачи только по средам, – раздраженно подумала она, захлопывая книгу.

Просто уйти ей не позволяли правила академии: за дисциплиной здесь, в пуританской столице Империи, следили с показательной строгостью, и попасть на ковер к комиссии за неуважение к преподавателю Зое не хотела – и без того хватало проблем. Поэтому она вместила раздражение на книге, небрежно забросив ее в сумку, и поднялась.

Среди холеных студентов в наглаженных пиджаках она смотрелась как грязная сорока в стае лебедей: несвежая рубашка, мятая юбка, пыльные тупоносые туфли. Она и косу не успела переплести, добираясь из другого крыла академии к первой паре. Даже оставаясь за спинами студентов, она чувствовала на себе пронзающий взгляд профессора. Но он не пугал ее и в половину так же сильно, как метка, которая отчего-то раскалилась, прижигая кожу.

_____

*Чан (Chan) – одно из популярных родовых имен народа майя, переводится как «змея» или «маленький/сияющий».

**Майяб (Mayab): на полуострове Юкатан существовало региональное поэтическое самоназвание земель – Улумиль Майяб (Uluumil Mayab), что переводится как «Земля майя» или «Земля избранных». Именно от этого слова произошло современное название всего народа.

***Шиу (Xiu) – одно из популярных родовых имен народа майя, переводится как «бирюза» или «трава», название одной из королевских династии майя, полное название – Тутуль Шиу.

Глава 2

Зое двинулась наперерез толпе студентов, спустилась к столу преподавателя и встала рядом. Дождалась, пока он пробежит взглядом по какому-то докладу, поставит на свободном клочке бумаги оценку и отложит несколько скрепленных листов в сторону. Только после этого кашлянула, привлекая внимание. Студенты уже покинули аудиторию и Зое с профессором остались в просторном помещении одни.

– Через неделю праздник. Ты можешь прийти, если захочешь, – без предисловий сообщил профессор, хмуро глянув на Зое снизу вверх.

– Разве поедать мясо змей – это не каннибализм для нагов? – уточнила Зое с издевкой.

– Это ритуал. И ты имеешь право в нем участвовать, – сделав вид, что не заметил насмешки, продолжил Отто Шиу.

– Я не приду. Это все? – поняв, что у ее собеседника не подходящее настроение для шуток, тут же поскучнела Зое.

Профессор дернул левым уголком губ и промолчал. Нагайна равзернулась, намереваясь уйти, но он схватил ее за запястье, останавливая.

– Нет. Другое мое предложение тоже по-прежнему в силе, – прошипел он с такой досадой, что Зое скривилась.

– Я уже отказалась, мое решение не изменится. Мне не нужна жалость: ни ваша, ни чья-либо еще, – так же тихо ответил она, вырывая запястье из не слишком сильной хватки.

– Подумай хорошенько: если согласишься, тебе больше не придется торговать на черном рынке, и времени на учебу у тебя станет гораздо больше, – продолжал настаивать Шиу.

– Не понимаю, о какой торговле вы говорите, профессор. Да и какой в этом смысл теперь? – Зое задрала мятый рукав повыше, показывая татуировку с кинжалом.

– До летнего солнцестояния еще пол года. Остаток твоей жизни мог бы пройти куда приятнее, – Шиу попытался улыбнуться, но получился типичный для нагов клыкастый оскал.

Зое презрительно фыркнула и скрестила руки на груди.

– Я лучше сдохну прямо сейчас. Я уже сказала нет – с чистокровными нагами я не хочу иметь ничего общего. Как и они со мной.

Профессор медленно выдохнул сквозь сжатые зубы, но откинулся на спинку стула, признавая поражение.

– Как хочешь. В среду день сдачи долгов, не забудь.

Пока он говорил, Зое уже широким шагом направлялась к двери.

– И еще, – Шиу повысил голос, потому что его неугомонная собеседница уже стояла почти в дверях. – Если тебе что-то понадобится, обращайся. Я исполню это, если твое желание будет мне по силам.

– Еще чего не хватало, – проворчала Зое и поспешила сбежать от неприятного разговора.

Она с такой силой толкнула дверь, что едва не сшибла стоящую за ней студентку. Приглядевшись, быстро узнала одну из тех немногих, кто ее не презирал, и широко улыбнулась. Впрочем, вряд ли ее клыкастый оскал вышел более добродушным, чем у профессора.

– Идешь к Отто, Ида? – растягивая гласные, спросила Зое.

Скуластая брюнетка с кожей цвета светлой меди потупилась, ее щеки порозовели.

– Да ладно тебе. Каждая крыса в подвале знает, что ты любовница профессора, – не унималась Зое, желая хоть на кого-нибудь выплеснуть накопившийся гнев.

Испуганная Ида зашикала.

– Да тише ты! Мне в следующем году поступать в аспирантуру. Если об этом и в самом деле станет известно, бюджетного места мне не видать.

– Ладно, ладно, – Зое примирительно подняла руки, показывая раскрытые ладони. – Развлекайтесь. Сдается мне, лишь благодаря вашей интрижке я по-прежнему свободная женщина.

– Он снова предлагал? – напряглась Ида.

– Каждый год предлагает. Это уже становится нашей локальной традицией.

– Не понимаю, – Ида вздохнула и обняла плечи руками. – Почему? Он ведь тебя… не обижайся, но мне кажется, очень ненавидит. Всякий раз, когда видит тебя в коридоре, даже издалека, его лицо так сильно мрачнеет, будто он смотрит на чудовище.

– Он просто расист, как и все наги, – отмахнулась Зое, хотя в глубине души и она считала поведение профессора Шиу странным. – Но каковы бы ни были причины, наша ненависть взаимна. Так что по душам мы ни разу не беседовали и о его мотивах я не имею ни малейшего понятия, – заметив, что подруга расстроена, Зое похлопала ее по плечу. – Не переживай, я конечно же ему отказала. Да и жить мне осталось не так уж долго. Скоро у тебя больше не будет повода для беспокойства.

Ида только теперь заметила татуировку метки на руке нагайны и тут же схватила Зое за запястье.

– Ты? Но ведь ты же нагайна только наполовину… почему? – она принялась рассматривать каждый мельчайший элемент татуировки, будто хотела удостовериться, что она не поддельная. – Действительно настоящая. Слушай, да это же аномалия! Сходи на кафедру проклятий и клятв, они наверняка заинтересуются этим. Подумать только: впервые за всю задокументированную историю…

Зое прошипела парочку ругательств и выдернула руку из пальцев подруги.

– Вот еще. Я не настолько люблю науку, чтобы сдавать себя на опыты. К тому же, у меня остались незаконченные дела, мне некогда пить чай на чужой кафедре.

– Прости. Это наверное жутко – знать, в какой день умрешь, – опомнившись, Ида виновато склонила голову.

– Да уж, своеобразное удовольствие, – не стала отрицать Зое, про себя подумав, что намеревается жить чуть дольше, чем до дня летнего солнцестояния. – Мне пора.

Не дожидаясь очередной порции соболезнований, Зое поспешила дальше по коридору. На следующую пару она идти не планировала – на лекциях старого профессора по древним языкам обычно царил такой шум, что читать там становилось просто невозможно. Как и слушать объяснения преподавателя.

Посещение лекций меланхоличный старик не отмечал, так что Ида предпочитала появляться только на зачетах, а освободившееся время проводила в библиотеке. Туда и направилась снова, в надежде наконец найти в книге по имперской некромантии хоть какие-нибудь подсказки, способные ей помочь.

Увы, часы, потраченные на чтение, ее разочаровали. Ни одного намека на то, где в столице Унтареона можно найти некроманта, она так и не обнаружила. С раздражением захлопнула увесистый том и растерянно огляделась. Только теперь Зое заметила, что один из ее сокурсников разглядывает ее с нездоровым, плотоядным интересом. Скосив глаза, поняла, что рукав рубашки задрался, обнажая покрытое змеиной кожей предплечье.

Зое поморщилась и опустила рукав, но поздно.

– Так и знал, что в тебе должно быть что-то кроме клыков. Наверное и яд есть? – совершенно не скрывая любопытства, подытожил юноша и продолжил со всем возможным вниманием разглядывать полуганайну. – С удовольствием вскрыл бы тебя, чтобы посмотреть, насколько ты на самом деле змея, а насколько – человек.

Зое сложила в ответный взгляд максимальное презрение, хотя внутренне сжалась в пружину, готовую к атаке. Унаи Кануль был единственным чистокровным нагом среди студентов, и если бы ему в самом деле вздумалось вскрыть ее, шансов на выживание у Зое было бы не так уж много.

– Тебе будет достаточно знать, что мой яд, в отличие от яда чистокровных нагов, убивает долго и мучительно, – про яд она сказала правду, но уверенным тоном блефовала, и оба это понимали.

– Недостаточно, – клыкастая улыбка Унаи стала еще шире, солнце из окна упало на его лицо, высекая в карих глазах золотистые искры, придающие его лицу вид почти безумного энтузиазма.

Унаи поднялся из-за соседнего стола и подошел к Зое. Склонился над ее столом и взглянул на обложку книги.

– На этот раз пытаешься продать что-то из погребальной утвари? – спросил он, переводя взгляд на сокурсницу.

Та не стала развенчивать его догадку и просто промолчала.

– Как жаль, что это почти невозможно. Местные торговцы антиквариатом не возьмут вещей мертвецов из Улумиля – слишком боятся наших проклятий. А некромант, способный заинтересоваться такими вещами, в городе всего один. И он, насколько мне известно, отлично скрывается.

Унаи наклонился так низко, что его растрепанные вьющиеся волосы почти касались щеки Зое. Она хотела оттолкнуть наглеца, но слова о некроманте заставили ее замереть.

– И что же ты хочешь в обмен на информацию об этом некроманте? – без лишних предисловий уточнила она.

– Ты знаешь, – Унаи кивнул на левую руку Зое, теперь надежно скрытую от посторонних глаз слоем плотной ткани, потом очертил пальцами линию ее шеи вниз до ключиц. – Придешь сегодня вечером в мою комнату, она на втором этаже общежития. Если будешь хорошей девочкой, я расскажу тебе все, что знаю о некроманте.

Зое отбросила руку наглеца и прищурилась.

– Ты знаешь, где его найти?

– Нет, но я знаю того, кто знает.

– Откуда?

– Я помощник посланника от Улумиля, у меня много интересных знакомств.

Зое продолжала испытывать сокурсника взглядом, на что тот лишь фыркнул.

– Клянусь именем Кукулькана, мои сведения тебе помогут, – наконец добавил он.

– Ладно, приду, – сдалась Зое, но скрыть отвращение не потрудилась.

_____

Короткая справка об Отто Шиу:

Такая же анкета главной героини есть в группе в вк "Полина Змееяд | фэнтези с историей". Скоро там появятся и досье и на других героев, а кроме того я планирую устроить голосование за визуал для Кукулькана, так что подписывайтесь (ссылка ниже)

Глава 3

Отектей Тутуль Шиу

Как только за Зое закрылась дверь аудитории, Отто прижал ладонь ко рту, чтобы не зашипеть от досады.

Отвратительное создание, выродок, неспособный и не желающий принять культуру своих предков и хоть попытаться вписаться в порядки родины собственной матери. Ее рождение – его вина, его ошибка. Живое свидетельство его слабости и воплощение всего того, что может случиться с его народом, если он прекратит бороться.

Наполовину нагайна, наполовину человек – что может быть нелепее? Носит в устах яд, способный отравить ее саму, на коже – чешую, от которой нет никакого прока, имеет нечеловечески гибкое тело, но все же недостаточно подвижное, чтобы обвиться вокруг ветвей дерева смертельной ловушкой. Бесплодна. Мертвый побег среди ветвей пока еще живого дерева, но он же – первое свидетельство его болезни.

К счастью, судьбе было угодно сделать ее жертвой – отсечь больной отросток с тела его народа. Так будет лучше: и для всех, и для самой Зое. С последним вздохом она сможет избавиться от ненависти и от клейма грязной крови, отпечатанного на ней с момента рождения.

В пустую аудиторию проскользнула Ида, и Отто взял себя в руки. Здесь, в Академии, он прежде всего профессор, хотя для одной из студенток, к своей досаде, стал чем-то большим.

– Ты знаешь, почему именно она? – спросила Ида, приближаясь к столу.

– Нет. Никто не знает, по какому принципу Кукулькан выбирает жертв, – ответил Отто.

Разговор о Зое снова породил в душе вспышку раздражения, но профессор Шиу смотрел, как ловко Ида собирает разбросанные по столу работы студентов, любовался ее длинными пальцами, загорелой кожей, и злоба быстро отступала.

– Не может быть, чтобы не было совсем никакой закономерности. Просто никто не брался подробно изучить биографии всех нагайн, сердца которых пошли на корм вашему богу. Было бы у меня больше времени, я бы занялась.

– Дай тебе волю, ты бы написала сотню кандидатских диссертаций на совершенно разные темы, – Отто улыбнулся, положил ладонь поверх запястья Иды, прерывая ее знакомую суету. – Я пытался изучить этот вопрос и даже предсказать имя следующей жертвы, но всякий раз ошибался. Выяснить удалось только то, что метка как правило появляется на руке женщины незамужней, бездетной и зачастую сироты. В общем, у той, по которой никто не будет лить слезы. Но таких среди нагайн немало.

– Однако прежде это всегда были чистокровные нагайны, – возразила Ида.

Она обогнула стол и, воровато оглядевшись, обвила руками плечи Отто. Уткнулась носом в его волосы и всем телом прижалась к широкой спине.

– Видимо просто потому, что нагайн грязной крови до рождения Зое не существовало.

Отто сплел свои пальцы с пальцами Иды и аккуратно поцеловал ее ладонь, чтобы случайно не ранить бронзовую кожу острым клыком.

Что, если бы Зое была такой же, как Ида? Если бы имела загорелую кожу и крупные скулы, обычные для жителей долины реки Парана-Гуасу, а не бледное лицо и бесцветные русые волосы типичного Унтареонца? Если бы со страстью и предвкушением в глазах погружалась в тайны истории, а не продавала наследие собственного народа на черном рынке? Если бы пыталась наладить отношения хотя бы с местной общиной нагов, если бы приняла, наконец, его предложение – стал бы он ненавидеть ее меньше? Или для него она так и осталась бы мертвым побегом на больном дереве?

К счастью или к неудаче профессора, история сослагательного наклонения не знала, и он не раз прочувствовал неизбежность хода времени на собственной чешуе.

– Еще одна загадка. Зое ведь ровно сто лет. Она родилась незадолго после того, как Кукулькан, если верить подсчетам, совершил очередной ритуал. Значит, в то время сила змеиного бога была в самом расцвете, она должна была предотвратить появление детей смешанной крови. Так почему же Зое вообще родилась?

Проницательная девочка. Даже слишком, – с улыбкой подумал Отто и поцеловал руку Иды снова.

Иногда его даже пугало сочетание научной интуиции и ума, позволявшее его лучшей студентке с легкостью приходить к верным выводам. Но с каким же наслаждением он по ночам вырывал первобытные стоны из губ, способных сформулировать ответ даже на самый сложный теоретический вопрос.

За дверью послышались шаги и Ида отпрянула. Быстро обогнула стол и встала напротив Отто. Одернула форменный коричневый пиджак и придала лицу совершенно серьезное выражение. Как раз вовремя – в аудиторию вошел Унаи Кануль. Вот уж кому точно не следовало знать ни об одной тени на репутации господина Шиу.

Студент выглядел на удивление довольным, но Отто не желал знать причин его хорошего настроения. Кануль был отличным помощником посла, но в академии поговаривали, что в стремлении к знаниям он ставит весьма специфические эксперименты. Впрочем, пока Кануль справлялся со своими обязанностями и не преступал закон, профессор готов был закрывать глаза на все остальное.

– До обеда с советником по культуре осталось чуть больше часа. Он настаивает на вашем присутствии, посланник Шиу, – Кануль протянул профессору конверт с личной печатью императорского советника.

Открывать его не требовалось – Отто и так знал, что советник в настойчивых выражениях требует от него явиться для личной беседы.

– Ида, будь добра, отнести доклады на кафедру. Оставь на моем столе, – Отто незаметно коснулся руки студентки и улыбнулся одними губами, не показывая клыков.

– Конечно, – тут же согласилась она, отвечая не менее формальной и вежливой улыбкой.

– Я вернусь к пяти, обсудим кое-какие из тезисов твоей работы, – добавил Шиу, стоя в дверях, и сразу отвернулся, чтобы не видеть разочарования в глазах Иды.

Когда их отношения только начались, обоих возбуждало чувство тайны и опасности, неизбежно сопряженное с их связью, но спустя год бесконечные прятки начали его раздражать. Ее, по всей видимости, тоже.

Унаи сноровисто протянул Отто трость и цилиндр, которыми профессор обычно пренебрегал в стенах Академии, и вместе они направились к выходу на просторный задний двор.

– На этот раз за нами из дворца прислали всего лишь орнитоптер. Похоже, советник по культуре остался недоволен вашей прошлой беседой, – совершенно нейтральным тоном отметил Унаи Кануль, не давая господину Шиу повода для упрека в неуважении или насмешках.

– Мы здесь не для того, чтобы угождать властям Унтареона, – все же осадил его Отто и первым вышел из широких, просторных коридоров в солнечный полдень.

Просторную площадку заднего двора обычно использовали как посадочную. В дальней части огромного поля, утоптанного настолько, что на нем не росла ни одна травинка, стояли ангары с дирижаблями и паромобилями, принадлежавшими академии. Сама альма матер высилась над этими приземистыми постройками, горделиво задрав к небу светлые шпили и растопырив в разные стороны узорчатые аркбутаны, похожие на паучьи лапы. Постройка доиндустриальных времен, она иногда даже казалась господину Шиу красивой. Но только в дни его хорошего настроения.

Неподалеку от выхода их уже поджидал пилот орнитоптера: огромные очки и жидкая борода скрывали его лицо, но по сутуловатой фигуре и совсем еще нежной человеческой коже Шиу видел, что мальчишке едва ли больше двадцати человеческих лет.

В отличие от громоздких, но плавных в полете дирижаблей, орнитоптеры с их открытой кабиной и кожаными крыльями, приводимыми в движение паром, в воздухе вели себя куда проворнее, но летать на них – удовольствие для самых отчаянных энтузиастов. И все же раз транспорт прислали из самого дворца, пренебрегать им нельзя.

– Вы уж простите, но мне перед полетом велели снять даже лобовое стекло, – пилот неловко улыбнулся, демонстрируя кривоватые, но крепкие зубы. – Но я два плаща прихватил со склада, когда старшой отвернулся. Они на пассажирских местах. Сегодня с заводов дым валит сильнее, чем обычно, так что наденьте, а не то пока доберемся, вся ваша одежда копотью покроется.

– Спасибо, – Отто похлопал паренька по плечу и бросил ему в руку мелкую монету, удачно завалявшуюся в кармане.

Он первым шагнул к узкому корпусу орнитоптера, похожему на обитое медью каное, и сел на место прямо за спиной пилота. Цилиндр и трость привычно спрятал под скамьей, чтобы они не выпали во время полета за низкие борта, и, последовав совету мальчишки, взял пристроенный к боковой стене плащ.

Покрыться копотью или измять костюм? – задумался он, разглядывая клок ткани зеленовато-серого цвета, пропитанной какими-то химикатами для стойкости перед непогодой.

В итоге выбрал второе, решив, что складки на одежде как-нибудь переживет, а запах гари из промышленных труб на собственной коже – вряд ли.

– Если бы природа хотела, чтобы разумные расы могли летать, она бы одарила нас крыльями, – проворчал Кануль, забираясь на самое дальнее от пилота место.

– Природа наделила нам разумом, а значит, позволила делать все что захочется, – бойко ответил нагу человеческий мальчишка и последним занял свое место, убедившись, что двери крылатого каноэ плотно закрыты, а ремни безопасности исправны.

Унаи одарил паренька надменным взглядом и замолчал: не каждому человеку оказывалось по силам его переспорить. Отто мог бы за него заступиться, но решил, что маленький щелчок по носу его помощнику будет даже полезен.

– Взлетаем! – бойко крикнул пилот.

Орнитоптер со скрипом расправил кожаные крылья, махнул ими, разминая суставы шестерней, и с резким толчком поднялся в воздух.

Унаи за спиной Отто тихо выругался. Ему не нравилось летать, он боялся высоты, но вряд ли готов был признаться в этой маленькой слабости даже самому себе.

Отто к высоте давно привык. Можно было бы опасаться, что старая посудина развалится прямо под ними, но и в этом случае они вряд ли бы погибли: орнитоптеры никогда не летали слишком высоко, потому что не в силах были бороться с высотными ветрами, так что они рывками неслись низко над рукавом реки, и в худшем случае пассажирам грозило лишь окунуться в ее наполненные отходами воды.

Не самая приятная перспектива, но и не смертельная. Поэтому господин Шиу равнодушно смотрел на город, простиравшийся на много десятков километров вокруг. Он много раз видел хитросплетения улиц и ряды кварталов с высоты, и давно уже знал этот вид наизусть.

В месте, где в давние времена предки современных людей возвели столицу Унтареона – город Уно – очень близко сходились две равнинные реки. Одна из них, Сальвахи, брала начало в великом потоке Парана-Гуасу и несла свои воды с далекого юга, с родины нагов и сильфид. Другая – Стилле – текла в противоположном направлении, с не менее далеких северных гор, где жили могучие и воинственные норды, отрицавшие все технологии, кроме оружейных.

Здесь, в столице, обе реки разбивались каждая на два рукава, и их потоки со временем стали естественной границей между пятью районами. Три центральных, самых престижных, занимали императорский дворец, квартал знати и торговый квартал. Западный окраинный – промышленный квартал с заводами и экспериментальными лабораториями, в которых ученые

день за днем искали способы сделать паровые двигатели еще более мощными. Восточный стал обиталищем простых горожан, дома которых при удалении от дворца все сильнее походили на трущобы. Со временем к нему прирос и академический квартал. Академии классических и технических наук, а также искусств и магии когда-то стояли особняком со своими общежитиями, ангарами, дорогами и даже магазинами, но беспощадная урбанизация поглотила их, сделав со временем частью города.

Императорский дворец возвышался в северной его части Уно, в том месте, где два мощных речных потока разъединяла лишь узкая полоса высокого каменистого берега. Ее давно уже укрепили светлым кирпичом от самого основания до фундамента дворцовых стен, но и запруженная стоячая вода сама по себе служила неплохой поддержкой массивному зданию. Как и все старинные постройки, оно стремилось ввысь белыми шпилями, растопыривало прямо в воду подножия арок поддержки. На рассвете его камни алели стыдливым румянцем, приветствуя солнце, на закате горели ржавой рыжиной.

Множество людей каждый день трудились над тем, чтобы его светлые стены не покрывала копоть от заводских труб. И сегодня, как обычно, рабочие суетились у вершины одной из башен с огромными щетками в руках. Отто присмотрелся внимательнее.

Вот один из мужчин, привязанных веревками для страховки, неловко повернулся, и старый прогнивший канат, не выдержав его веса, лопнул. Мужик с криком полетел вниз – к счастью, в глубокие воды Стилле. На миг над дворцом повисла тишина, нарушенная только громким всплеском. Прошло несколько секунд, и голова упавшего показалась над водой. С башни послышался синхронный облегченный вздох других рабочих.

– На этот раз повезло, – равнодушно констатировал Унаи.

Отто кивнул. За время жизни в столице они видели несколько падений с куда более печальным исходом.

И это – та самая цивилизация, которую они собираются нести на мои земли, – в сотый, наверное, раз со времен прибытия в Уно, с досадой подумал господин Шиу.

Он не собирался уступать, какие бы уловки советник по культуре не изобрел на этот раз.

Сделать его людей рабами домов и машин, какими стали жители Унтареона? Пока он жив – этого не случится.

Глава 4

Зое Чан

После занятий Зое ненадолго заглянула в общежитие. До встречи с Канулем оставалось еще несколько часов, но даже если бы он велел ей прийти на второй этаж прямо сейчас, нагайна бы отказалась: в начале каждой недели в ее графике стояло одно дело первостепенной важности, ради выполнения которого она готова была сровнять Академию с землей, если понадобится.

Полуганайна торопливо нарядилась в городское платье. Простая коричневая юбка, корсет, жакет, чулки и еще множество совершенно лишних на взгляд Зое вещей, которые она знала как надеть, но давно уже забыла, как назвать.

Потом она отогнула правый нижний угол огромной карты – несколько пафосного настенного украшения, которое досталось ей от предыдущего жильца комнаты – расшатала ножовкой один из камней белой кладки стены и вытащила его, а следом – небольшую нефритовую чашку с характерным для юга долины Парана-Гуасу угловатым узором.

Не самая ценная вещь, но парочку самых дорогих из своих находок Зое решила приберечь на черный день.

У неудобной одежды горожанок Уно было одно неоспоримое преимущество: под юбками можно было незаметно пронести в город хоть слона. Чем Зое и пользовалась, нашив на нижнюю одежду множество крепких карманов.

В один из таких и отправилась чашка, но потрепанный ридикюль Зое тоже прихватила на случай, если привратнику у выхода с территории академии вздумается досмотреть ее. Такое происходило время от времени, но процедура всегда оставалась чистой формальностью: в этом скованном правилами до мозга костей городе даже самому рьяному развратнику не пришло бы в голову лезть в панталоны юной мисс среди бела дня.

Зое уже собралась выходить, но коснувшись пальцами затертой дверной ручки, спохватилась и взяла с низкого табурета много раз заштопанные перчатки. Натянула их на руки и лишь после этого выскользнула в коридор.

– Эй, клыкастая альбиноска! – донеслось ей вслед еще совсем мальчишеским голосом. – Ты же богатенькая, так чего разгуливаешь в старом тряпье?

Зое не обернулась, но сжала кулак. По голосу она узнала одного из сокурсников – избалованного сынка влиятельного банкира.

Выходит, мои деньги привлекли внимание. Плохо, – подытожила Зое. Вместо того чтобы разозлиться, проигнорировала насмешку и направилась к лестнице.

Оказавшись за воротами – на этот раз без процедуры досмотра – она глубоко вдохнула, но тут же закашлялась. Ветер сегодня дул с запада и дым от заводов застилал небо плотной пеленой.

Неудивительно, что у людей так мало лет жизни, – подумала она, взглянув на тупоносые трубы, похожие на дымящиеся сигары. Они едва проступали из тумана, и оттого выглядели еще более зловещими, чем обычно.

Но времени думать о человеческих проблемах у нее не оставалось. В другие дни она могла задержаться в городе и подольше – все равно в общежитии ее никто не ждал. Но сегодня стоит вернуться до вечера, чтобы не раздражать Унаи лишний раз.

Едва ли глядя по сторонам, Зое двинулась в хитросплетение улиц. Здесь, в квартале бедняков, дома росли без малейшего плана, как сорняки на заброшенной земле, и потому незнакомый с районом человек мог запросто потеряться среди тупиков и переулков. Но нагайна вот уже третий год проделывала один и тот же маршрут от ворот академии и давно не плутала.

Избегая смотреть на ветхие дома, скрипящие двери, поношенное белье на веревках и отходы в канавах, Зое торопливо шагала в самом центре дороги, низко надвинув на лицо шляпу. Издалека она походила на местную, но стоило кому-нибудь всмотреться в ее лицо, как сразу становилось ясно, что она не отсюда: глаза с вертикальными зрачками и кончики клыков, предательски торчащие под верхней губой, выдавали ее за считанные мгновения.

Спустя минут двадцать быстрой ходьбы она уже стояла перед ничем не примечательным домом. На нем не было ни вывески, ни даже таблички с названием улицы и адреса. Впрочем, многие улицы в районе бедняков вовсе не имели названий – так для их жителей было куда безопаснее.

Не утруждаясь проявлениями вежливости, Зое сразу толкнула незапертую створку. Внутри дом казался обманчиво пуст: узкая кровать в одном углу, покосившийся шкаф – в другом, почерневшие полы и паутина под потолком. Когда она пришла сюда впервые, откровенная заброшенность жилья ее обманула. Но теперь она знала, что делать: подошла к шкафу и распахнула его кривые дверцы. Те скрипнули, явно сетуя на негодницу-судьбу, но жалости у Зое не вызвали.

Шагнув прямо в шкаф, нагайна толкнула заднюю стенку. Когда старая доска отошла от боковых на пару сантиметров, вцепилась пальцами в образовавшийся зазор и отодвинула прогнившие деревяшки. Ей хватило и плоуметра, чтобы протиснуться в узкий и низкий коридор за шкафом. Следуя местным правилам, она тут же задвинула стенку обратно, и на ощупь спустилась по нескольким ступеням крутой лестницы.

– Как всегда пунктуальны, мисс Чан, – проскрипел старик еще прежде, чем Зое повернула за угол и оказалась в свете слабых свечей. – Что у вас на этот раз?

– Для начала объясни, почему банкиры начали интересоваться моим счетом? – с порога перешла в наступление Зое, не позволяя старому торговцу заговорить ей зубы.

– Потому что он слишком велик для наследницы обнищавшего дворянина, – сухой старик с совершенно лысой макушкой и жидкой седой бородой развел руками и состроил столь невинный взгляд, что любой другой на месте Зое купился бы.

– Я до сих пор прихожу в эту нору только потому, что ты обещал мне на выходе чистые деньги. И что в итоге? Мне в нос моими сбережениями тыкает какой-то сынишка банкира! – Зое в два коротких шага оказалась возле деревянного прилавка и ударила раскрытой ладонью по сухой столешнице с такой силой, что заскрипело старое дерево.

Старика ее выходка не впечатлила: он деловито снял монокль, протер его серой полой слишком широкой для его тщедушного тела рубахи и надел снова.

– Не надо устраивать мне концертов, девочка. Запугивать будешь своих клиентов. Кстати, кое кто пожелал пополнить их ряды. Кое кто, кто может усадить тебя в тюрьму на весь остаток твоей долгой змеиной жизни, – старик раздвинул тонкие губы в подобии улыбки, почти совсем беззубой, но оттого не менее опасной. – Я берегу своих поставщиков, но мы договаривались, что если на тебя выходят имперские безопасники, я умываю руки.

– Имперские безопасники, – эхом отозвалась Зое, разом растеряв весь боевой пыл.

Она сняла шляпу и почесала лоб. Кожа лица под дешевой тканью зудела еще от самых ворот академии.

– Они самые. Вернее, один агент. Он побывал здесь буквально вчера и весьма настаивал, чтобы я передал тебе это, – старик вытащил из-за пазухи черного жилета конверт с официальной печатью имперской службы надзора и положил его на стойку.

Зое тут же схватила бумагу и спрятала под ребро корсета.

– Он не говорил, чего именно хочет?

По меркам столицы торговля, которую вела Зое, оставалась совсем мелкой. Садить ее в тюрьму из-за таких пустяков никто бы не стал, и все же интерес властей – это всегда не к добру, в этом Зое убеждалась и прежде.

– Уверял, что ему нужны твои услуги, – улыбка все не сходила с лица старика, и Зое ощутила, как задергался уголок глаза.

– И ты ему поверил? – фыркнула она, наклоняясь, чтобы достать из кармана юбки товар.

– А что мне еще оставалось? Знаешь, он мог бы выбить из меня все, что захочет, и даже больше, но оставался предельно вежлив. Какое бы дело он к тебе не имел, оно весьма деликатное, так что не спеши отказываться.

– Те, кто соглашается на сделки с безопасниками, всегда заканчивают в тюрьме или в доме умалишенных, – проворчала Зое. Впрочем, она уже понимала, что выбора у нее нет.

– Значит, тебе придется хорошенько постараться, чтобы не оказаться в тюрьме. Из дома умалишенных тебе по крайней мере позволят писать письма: может, одно из них разжалобит твоих родичей-нагов, – не остался в долгу старик.

– Наги мне такие же родичи, как и люди.

Наконец разобравшись с карманами в ворохе юбок, Зое вытащила под тусклый свет нескольких свечей медную чашку и поставила перед торговцем. Его глаза сверкнули мутной сталью, узловатые пальцы тут же вцепились в товар.

– Весьма и весьма достойно. Боюсь даже представить, в какие дебри тебе пришлось залезть, чтобы это вытащить, – старик цокнул языком и поднял чашку на уровень монокля. – Дам сотню золотых.

– Две сотни, если хочешь, чтобы остальные мои находки попали в руки тебе, а не безопаснику.

– Я разорюсь, пока буду очищать эти деньги для твоего банковского вклада! – ожидаемо запротестовал старик. – Сотню и еще двадцать сверху, остальное – на прочие расходы.

– Сто семьдесят, и тогда я не возьму надбавки за остальные вещицы, – продолжала упорствовать нагайна.

– Полторы сотни и не золотым больше, – сдался старик.

– По рукам.

Чашка тут же исчезла за прилавком. Десяток монет торговец тут же высыпал на стол перед Зое поверх мятого клочка бумаги с распиской.

– Жди деньги через неделю.

– Завтра же, иначе в продаже всего остального мне уже не будет резона, – на этот раз Зое говорила куда жестче, чем когда торговалась, намекая, что возражений не потерпит.

Старик вздохнул и пододвинул бумагу с монетами ближе к нагайне.

– Каждый так и норовит обидеть немощного старика, – посетовал он, впрочем, не слишком искренне.

– Немощного? Да ты еще меня переживешь, – бросила Зое, сгребая деньги во внутренний карман.

– Весьма вероятно.

Зое напряглась, но не стала спрашивать, известно ли старику о метке. Вполне возможно, он намекал на что-то другое.

– Не понимаю… чего тебе стоило торговать телом, а не всяким старьем? С учетом твоих особенностей ты бы пользовалась большим спросом, да и рисков куда меньше, – старик спрашивал об этом всякий раз, когда приходила нагайна, и она всякий раз брезгливо передергивала плечами. – Подумай: у меня и для такого дела найдется парочка заказчиков.

– Нет.

Зое оправила юбки и подобрала с пола ридикюль, готовясь уйти, но у первой ступени узкой лестницы обернулась.

– Скажи-ка, старик, есть ли среди твоих заказчиков некромант? Я заплачу…

– Еще чего! – торговец оскорбленно вскинулся. – Может, я и не чист на руку, но все же следую кое-каким принципам!

Примерно такого ответа Зое и ожидала, потому не стала упорствовать и покинула затхлый подвал.

Теперь путь ее лежал еще дальше – к городской больнице, расположенной в квартале знати. К причине, по которой она до сих пор дышала отвратительным дымом этого порочного города.

Глава 5

В другой день Зое предпочла бы прогуляться по богатому кварталу пешком. Поглазеть на стеклянные витрины магазинов, вслушаться в легкомысленные разговоры и всячески оттягивать момент вступления в стены больницы, но сегодня решила поторопиться. Добежала до остановки и запрыгнула на ступеньку забитого до отказа людьми паромобиля.

Общественный транспорт был пожалуй единственным достижением людской науки, которое ей хоть немного нравилось: да, огромная машина, вмещающая до двух десятков человек, гремела и шумела, как пушечная канонада, зато позволяла в считанные полчаса оказаться на другом конце города.

Места внутри не нашлось, и всю дорогу Зое пришлось балансировать на узкой металлической ступени, уворачиваясь от других машин и конных экипажей. Пару раз ее пытались сдернуть мальчишки, чтобы занять ее место, но стоило ей показать клыки, как желающие потягаться с ней бледнели и отступали.

Во второй половине дня город накрыл не только заводской дым, но и первое весеннее тепло. Стало душно, и нагайна даже порадовалась, что не сидит сейчас где-то внутри паровой машины, зажатая справа и слева потными, усталыми людьми.

До больницы она добралась порядком помятая. Перед входом в простое квадратное здание индустриальной постройки, выкрашенное в совершенно непрактичный белый, попыталась немного разгладить юбку, но, так и не преуспев, плюнула на приличия и зашла в просторный холл.

Дождалась своей очереди в регистратуре, но не успела сказать и пары слов, как работница – пожилая женщина с зализанными в пучок седыми волосами – сразу ее узнала. Зое без лишних слов положила на стойку чек с суммой ежемесячной оплаты.

– Вот карта пациентки, я вас отметила. Проходите, – протараторила старуха и тут же отвернулась, спеша уделить внимание следующему визитеру.

Зое на драгоценное время работницы и не претендовала. Взяла документы и направилась к лестнице в привилегированную часть здания. Пока поднималась, мельком пролистала последние записи о пациентке в ее карте и, не найдя ничего нового, неопределенно повела плечами.

В ее случае отсутствие ухудшений уже можно было считать хорошей новостью. Правда, такого рода хорошими новостями больница радовала ее вот уже третий год.

Приближаясь к палате для особенно тяжелых, почти безнадежных пациентов, она слышала нарастающий гул и скрежет машин. Первое время пугалась его, но с годами привыкла и теперь входила в просторное помещение без страха.

Здесь вдоль стен рядами стояли металлические капсулы в человеческий рост. Крышки их были стеклянными, основания блестели кованой сталью под вечно тусклым светом Уно. Окна в палате постоянно мыли, но они все равно оставались настолько покрыты копотью снаружи, что сквозь них можно было совершенно без боли в глазах смотреть на солнце.

Напротив одной из капсул стоял врач: человеческий мужчина лет сорока, с гладко выбритым запавшим подбородком, в квадратных очках и с волосами, собранными под белый платок. Зое не видела его в ином облике с тех пор, как впервые обратилась в больницу.

– Здравствуйте, мисс Чан, – заметив ее, доктор блекло улыбнулся и шагнул к соседней капсуле.

За ее мутноватым стеклом проступали очертания нагайны: смуглой, скуластой, с черными волосами, ниспадающими на длинную, до колен, белую сорочку. Ее осунувшееся лицо говорило о вековой усталости, глаза были закрыты, под ними залегли глубокие тени. Кожа за годы, проведенные в капсуле, приобрела сероватый оттенок. Можно было бы подумать, что

женщина мертва, но ее грудь неустанными стараниями паровых машин вздымалась от воздуха, поступавшего в легкие через тонкие трубки.

– Уже два с половиной года, – тихо констатировала Зое, ни к кому особенно не обращаясь.

– Ваша матушка – очень волевая женщина, – все же ответил ей доктор.

Зое встала рядом с ним и долго рассматривала лицо пациентки, бессмысленно надеясь, что ее веки вот-вот дрогнут и она откроет глаза.

– В городскую общину нагов прибыл новый целитель из ваших. Я попытался попросить его о помощи, но он отказал, как и все остальные, – продолжил врач, не отрывая взгляда от мутного стекла. – Не понимаю…

– Я тоже, – кивнула Зое.

Она могла понять причины презрения к ней – выродку грязной крови, но ее мать, чистокровная нагайна, имела полное право получить помощь от общины. Однако ее сородичи отказывались и близко подходить к презренной предательнице. Зое плакала, угрожала, лежала в ногах у лекарей, сулила им богатства, готова была продать себя в рабство, но ничто из этого не убедило самодовольных сородичей ее матери пошевелить хотя бы пальцем.

– Так и не удалось выяснить, что за ядом ее отравили? – Зое спросила, хоть уже и знала ответ из документов, которые ей позволили взять в регистратуре.

– Увы. За годы лечения вашей матери я уже сам стал экспертом в ядах нагов, но так и не смог ничего понять. Этот яд больше всего похож на паралитический, но в таком случае он не должен был запускать омертвения тканей, с которым мы боремся сейчас. Но он и не смертельный, иначе наши машины бы не помогли продлить жизнь вашей матери. И разумеется этот яд не относится к категории галлюциногенных – они действуют совсем иначе.

Этот разговор повторялся всякий раз, когда Зое заставала доктора в палате, и давно уже ее раздражал, но все же она никогда не показывала этого: в отличие от ее так называемых сородичей, врач хотя бы пытался помочь и ни разу не выказывал полукровке ни презрения, ни пренебрежения. Может лишь потому, что она исправно платила по счетам за самую дорогую услугу – поддержание коматозного пациента – а может просто был не таким уж и плохим человеком.

– Я продолжу работу. Для меня это теперь дело чести. Но два года уже прошло. Если вы захотите отключить ее…

– Нет! Если вам понадобятся дополнительные средства на исследования, вы знаете, куда писать.

Врач коротко кивнул ей и вышел из палаты. Зое криво улыбнулась.

«Хороший человек, конечно», – мысленно передразнила себя она. – «За мои деньги он уже успел провести исследования для диссертации и наверняка в конце года повысит квалификацию, а значит, и зарплата его вырастет».

Зое не раз посещала мысль, что врач специально затягивает с лечением ее матери, потому что хочет получить побольше денег. Чтобы это проверить, она нанимала независимых химиков и врачей из других больниц, но те раз за разом подтверждали, что он делает все возможное.

Зое подошла к капсуле, стянула перчатку с правой руки и коснулась прохладного стекла.

– Здравствуй, мама, – ее шепот затерялся среди гула других машин, в которых тоже лежали беспомощные люди. – Я соскучилась.

Одинокая слеза скользнула по бледной щеке, но Зое торопливо стерла ее ладонью и снова надела перчатку.

– В следующий раз я принесу тебе змеиного мяса. Помню, ты так любила этот ежегодный ритуал… мы ведь не можем пропустить его на этот раз, верно?

Зое замолчала, пытаясь представить, что бы ответила ее мать, вспомнить ее шипящий мелодичный голос певицы старинных легенд. Увы, с годами он становился в ее воспоминаниях все прозрачнее, и Зое боялась, что однажды исчезнет совсем.

– Что бы ты сказала, если бы узнала, что сам Отектей Тутуль Шиу уже несколько лет просит моей руки? Наверное, попросила бы не портить ему жизнь, ведь я не смогу одарить его род потомством. Впрочем, я бы не отказалась потрепать ему нервы, но теперь у нас слишком мало времени.

Зое вновь приподняла перчатку, обнажая линии татуировки.

– Видишь, это метка жертвы Кукулькана. Ты бы наверное сказала, что это огромная честь. Но мне придется от нее отказаться, иначе кто будет платить за твое лечение?

Зое представила, как врач с равнодушным лицом отключает аппарат, гул механизмов стихает, и в наступившей оглушительной тишине угасают остатки жизни ее матери. Содрогнулась и решительно сжала губы.

– Говорят, змеиный бог исполняет одно желание своей жертвы перед смертью, однако я не могу полагаться лишь на легенды. Осуждай меня, если хочешь, но мне плевать на твоих сородичей. Пусть даже все они умрут в ту же секунду, как свершится мой план – все равно. Я буду жить до тех пор, пока ты не поправишься.

Мельком взглянув на часы, Зое поняла, что оставалась в палате уже куда дольше, чем позволяли правила.

– До встречи, мама. Не скучай. Уверена, в забвении ты поешь те самые красивые песни, которые я тайком подслушивала в детстве, – собрав всю силу воли, Зое улыбнулась дрожащими губами и отвернулась от капсулы.

Медленно спустилась по лестнице на первый этаж, протиснулась вне очереди и вернула документы на стойку регистрации. Седая старуха поворчала на нее, но деваться некуда – карту пациентки все же взяла, и Зое в смятении покинула больницу.

К академию она возвращалась пешком, на этот раз оттягивая момент встречи с Унаи. Припоминала слухи, которые ходили среди студентов о его странных опытах, но тут же гнала из головы.

«Ни к чему себя запугивать. Даже если захочет вскрыть меня, а потом зашить обратно – не такая уж это и проблема. Со мной случались вещи и похуже. Главное, что он поклялся именем Кукулькана, значит, сдержит слово».

В итоге к воротам Академии она приблизилась на закате. Здесь он не горел алым пламенем, как в низине долины Парана-Гуасу, где она провела пару десятков относительно спокойных лет. Серое небо лишь слегка желтело и становилось похоже на содержимое помойного ведра.

Не тратя времени на смену одежды, Зое сразу направилась на второй этаж. Ей пришлось расспросить студентов, чтобы найти комнату Унаи. Один из них окинул ее оценивающим взглядом и плотоядно ухмыльнулся, но нужную дверь не подсказал. Второй с равнодушным лицом кивнул на комнату 214.

Коротко поблагодарив, Зое постучала в дверь.

– Поздновато, но входи, – послышался из-за нее голос Унаи.

Комнаты второго этажа в основном занимали богатенькие горожане или те иностранцы, которые находились на особом положении. Унаи, как советник посланника от Улумиля, был одним из них.

Хорошие тканевые обои, гобелены в тех местах, откуда могло тянуть сквозняком, широкая кровать и большой шкаф для одежды, стеллаж с книгами и просторный стол со множеством колб и реторт – всем этим он пользовался как уважаемый иностранец.

Впрочем, Зое бы предпочла оказаться в своей продуваемой всеми ветрами угловой комнате на четвертом этаже, да даже в сточной канаве – но только не здесь: среди колб на столе

она заметила хирургический инструменты и приложила все силы, чтобы сохранить равнодушный вид.

Унаи с задумчивым видом прошел мимо нее и запер дверь на ключ.

– Раздевайся, – даже не взглянув на гостью, скомандовал он. – Одежду на стул.

Глава 6

Отто Шиу

Изнутри императорский дворец чистили так же усердно, как снаружи. И так же безрезультатно. Гладкие белые стены, возведением которых так гордились мастера прошлого, теперь покрывали тонкие трубы парового отопления. Они конечно не чадили, но тепло от них заставляло грязь в воздухе оседать конденсатом на светлых стенах. Без уборки дворец уже на следующий день покроется серыми пятнами водянистых разводов. Впрочем, и труды множества слуг не делали его совершенно чистым.

Господин Шиу шагал вслед за пажом, наряженным, по моде этого года, в некое подобие упрощенной гвардейской формы. Гость замка следил взглядом за линиями труб и уже не впервые думал, что заблудись он здесь, эти самые трубы без труда вывели бы его к помещению кочегаров, а с ними – и к черному выходу из замка.

Но конечно же никто не позволил бы почетному гостю, посланнику от провинции Улумиль Майяб, так просто заблудиться в многочисленных поворотах и лестницах: это было бы пожалуй слишком удачно для гостя и слишком досадно – для советника Императора по культурной политике.

Советник уже дожидался гостя во внутреннем саду, неподалеку от западной стены дворца. К нему вела крытая галерея с колоннами, увитыми вечно-зеленым плющом. Вернее, вечно-пепельным, так как протирать каждый листик рук уже не хватало.

Отто поморщился, глядя на растения: по его глубокому убеждению, все живое должно было проходить естественный цикл рождения, жизни и умирания, но эта зелень благодаря магии и множеству химикатов сопротивлялась собственной природе. Так же, как одна знакомая ему нагайна.

– Рад вас видеть, господин Шиу, – еще прежде, чем Отто вышел из-под крыши галереи, советник поднялся ему навстречу из-за накрытого к обеду стола и широко улыбнулся.

Отто уже не раз видел в Уно подобных ему людей: относительно молодой – не старше сорока – энергичный, слегка заплывший от хорошей жизни, с парочкой медалей за отличную штатскую службу и желанием во что бы то ни стало получить дополнительные несколько тысяч золотых к и без того уже крупному личному капиталу, чтобы через десяток-другой лет с чистой совестью уйти на покой. Уроженец Улумиля презирал подобных ему людей, но разумеется оставался вежлив.

– Надеюсь, дорога прошла спокойно, господин Шиу, – продолжал улыбаться советник.

От очередного господин Отто дернул уголком губ. Он давно уже получил постоянное гражданство Унтареона, взял местное имя – сокращенный вариант своего – и должен был бы слышать в свой адрес как минимум мистер, но к нему продолжали обращаться как к иностранцу, подчеркивая, что он здесь чужой и не имеет права принимать решения.

Зато к Зое, которая так и не удосужилась заняться документами, каждый незнакомец обращался как к мисс просто из-за ее светлых волос и бледной кожи. Будь посланницей он Улумиля она, возможно, провинция бы смогла выторговать для себя куда больше привилегий. Но увы, от брака она отказывалась, а просто так уступить ей свою должность Отто разумеется не мог. Да и она бы вряд ли согласилась принять столь сомнительный подарок.

– Благодарю, вполне сносно, – Отто показательно одернул чуть потрепанный ветром воротник костюма. – Я благодарен вам за приглашение, но увы, не смогу пользоваться вашим гостеприимством слишком долго: в академии меня ждут дела, поэтому давайте перейдем сразу к делу.

Советник с пониманием кивнул и широким жестом указал на стол.

– Конечно, раз вы настаиваете. Впрочем, ничего нового я вам сегодня не скажу. Речь как обычно пойдет о ваших певцах, – охотно сменил вежливость на прямоту советник.

– На этот раз что-то случилось, или они по-прежнему просто раздражают власти? – Отто равнодушно вздернул брови, показывая, что понятия не имеет о произошедшем, хотя конечно же ему докладывали о недавних событиях.

Советник взглянул на Отто укоризненно: подобные уловки на него давно не действовали.

– Не делайте вид, будто вам неизвестно, что группа певцов на севере Улумиля сорвала научно-просветительскую лекцию, – советник промокнул губы салфеткой и взглянул на господина Шиу напряженно. – Я понимаю, сообщество певцов – важная часть вашей культуры, они хранят историю вашего народа. Но они слишком уж… радикальны.

– Возможно, они не были бы так радикальны, если бы новые законы не запрещали им выступать публично, и если бы всех детей майяба, до которых могут дотянуться власти, не сгоняли принудительно в государственные школы, – не теряя хладнокровия, без труда парировал Шиу.

– Быть может, методы Империи в провинциях бывают и впрямь суровы, и особенно кажутся таковыми в глазах малообразованных местных жителей, но все это – для их же блага. Вы как преподаватель академии должны это понимать! – распалялся советник. – Верования жителей вашей провинции просто смешны, дикарски! В тех сказках, которыми певцы забивают головы собственным детям, нет абсолютно никакого смысла. Ну скажите мне, какая польза знать историю о том, как старуху выманили из дома, продырявив ее кувшин с водой? Разве не лучше детям знать основы математики, имперского языка и географии? Это позволит им построить лучшее будущее для себя и своих потомков…

– Если работа на местных заводах или на очистке зданий от копоти – это лучшее будущее, то я – непорочная дева из ваших храмов, – резко перебил Шиу, которому надоело слушать раз за разом один и тот же разговор. – Ни я, ни мой народ вовсе не против математики, географии и иностранных языков. Мы против того, чтобы нашу культуру стирали и заменяли другой, совершенно чуждой. Летом я как обычно вернусь в Улумиль, но даже я не смогу заставить оскорбленных певцов замолчать. Дайте им свободу петь, и их тут же перестанут интересовать лекции просветителей из Уно.

– И что же вы предлагаете, переписать законы только ради вашего драгоценного Улумиля? – советник хлопнул дряблой рукой по столу, окончательно теряя терпение.

Господин Шиу, наблюдая за его пантомимой, пригубил чаю из хрупкой фарфоровой чашки, стараясь, чтобы она не треснула в его пальцах от гнева.

– Не ради Улумиля, а ради всех провинций, которых вы лишаете памяти, – … и, что куда важнее – лишаете магии, но бросать в лицо советнику такое откровенное обвинение Отто конечно же не стал.

Советник поднялся со стула и навис над Отто. Вернее, попытался – мягкие черты его тела совсем не располагали к тому, чтобы кого-нибудь запугивать.

– Вы доиграетесь, господин Шиу! Я на вашей стороне, мне не нужны неприятности в подведомственных областях, но вы упорно напрашиваетесь на повторный ввод войск в Улумиль! Если ваши люди не выйдут из лесов и не возьмутся за ум сами, их вытащат и усадят за парты вечерних школ военные – но уже под прицелом ружей. Провинция должна стать частью цивилизованной Империи – это в наших общих интересах. Будьте добры донести это до своих людей, если не хотите возобновления войны.

Разгорячившись, советник снова и снова стучал ладонью по столу, заставляя посуду подпрыгивать и глухо ударяться о скатерть.

– Но и вы донесите до Императора, что если он не хочет повторения истории с кровавой рекой, Унтареону придется пойти на уступки, – ни единым мускулом не показав напряжения, тихо ответил Отто.

В отличие от других провинций, которые быстро покорялись новой культурной политике и легко отрывались от собственных корней, у его народа есть защитник. И он готов обагрить воды Парана-Гуасу таким количеством крови и трупов, что река и ее рукава станут красными вплоть до самой столицы Унтареона.

Советник побледнел и сглотнул, потом покраснел и сжал кулаки. Он еще не родился в те времена, когда воды реки Сальвахи стали красными, и вскоре по ней поплыли гниющие трупы солдат Унтареона, ушедших в Улумиль. Когда из-за антисанитарии разразилась чума, вслед за ней – голод, и когда город восстанавливался после трагедии почти полвека. Но в народной памяти этот эпизод истории Уно двухсотлентей давности запечатлелся надежно: про кровавую реку знали все – от Императора до последнего нищего.

– Угрожаете мне?! – ловя воздух ртом, просипел советник. – Угрожаете Императору?!

– Напоминаю о расстановке сил, – господин Шиу лишь покачал головой. – А вы потрудитесь напомнить о ней Его Величеству. У него великолепная репутация, и такие скандалы ему сейчас вовсе ни к чему, верно?

Советник вздернул подбородок, но не нашелся с ответом.

– На сегодня вы свободны, господин Шиу.

Отто вальяжно поднялся и кивнул Унаи, который все время разговора стоял за его плечом немой статуей.

Паж тут же подбежал от двери и повел их хитросплетениями замковых коридоров.

– Выведи нас к западным воротам, – заметив, что пусть их вновь лежит к взлетно-посадочной площадке, велел Отто.

Полетов ему на сегодня хватило и обратный путь до академии он собирался проделать в наземном экипаже.

Паж резво сменил направление и вскоре Отто и Унаи пересекли один из мостов, соединяющих дворец с жилыми районами.

– Наконец-то! – Унаи с наслаждением потянулся, сбрасывая с себя оковы холодной неподвижности. – Вам не показалось, что сегодня советник был особенно нервным?

– Не показалось. Он действительно волновался больше, чем обычно. Странно: певцы и раньше устраивали погромы, и куда более крупные. Должно быть, случилось что-то еще, – сказал Отто, скорее рассуждая вслух, чем желая посоветоваться с помощником.

– Может, это из-за Кукулькана? Советник вон как задрожал, когда вы упомянули про кровавую реку. Ритуал поедания сердца состоится через полгода, обычно власти Унтареона перед этим затевают какую-то странную возню, – несмело предположил Унаи.

Отто не стал намекать помощнику, что тот попал не в бровь, а в глаз. Уже два столетия подряд власти пытались сорвать ритуал. Он делал все возможное, чтобы помешать их планам, но увы, не всегда успешно. В прошлый раз он допустил ошибку, о которой сожалел до сих пор. И теперь не собирался ее повторять: он должен защитить новую жертву до дня ритуала, чего бы это ему ни стоило.

Глава 7

Зое Чан

Зое подавила раздраженный вздох и подчинилась. Сняла жакет, расшнуровала корсет, завязки на котором на манер местных беднячек носила спереди. Перед тем, как избавляться от сорочки, замешкалась.

Заметив это, Унаи взял со стола сложенный вчетверо лист бумаги и помахал им перед лицом Зое.

– Что бы обо мне ни говорили, я держу слово. Здесь вся информация, которая тебе нужна. Тебе осталось всего лишь исполнить свою часть договора, – Унаи улыбнулся, с удовольствием демонстрируя впечатляющие клыки, и без того узкие зрачки его зеленых глаз превратились в совсем уж щелочки.

Быстрее начнем – быстрее закончим, – решила Зое и под плотоядным взглядом студента стянула рубашку.

Обычно она подвязывала грудь еще одним куском плотной ткани – привычка, оставшаяся у нее из-за частых путешествий, когда в любой момент ей могла понадобиться максимальная свобода действий. Иногда пренебрегала этим обычаем, но не сегодня: с самого утра первое, что она сделала – потянулась к дополнительному слою хоть какой-то защиты от наглого изучающего взгляда.

Как только на спинке стула безвольно обвисла юбка, Унаи приблизился и схватил Зое за руку. Она поморщилась, но не стала сопротивляться, когда ее подтащили к столу. Скорее порадовалась, что Кануль не потребовал от нее снять и панталоны.

Впрочем, еще не вечер, – с тоской взглянув на закатное солнце, подумала нагайна.

– Сядь сюда, тут свет лучше, – Унаи похлопал ладонью по столу и не глядя схватил какие-то тонкие щипчики.

Зое послушалась и на этот раз. И хотя от нее не укрывалось, что взгляд Унаи то и дело соскальзывает с ее плеча на остальное тело, она предпочла делать вид, что ничего не происходит.

Пока что Унаи действительно в основном интересовался ее чешуей.

– Удивительно, – бормотал он, пробегая пальцами по границе между змеиной и человеческой кожей.

Зое невольно поежилась. Ее левую руку, плечо и бок до бедра покрывала светло-зеленая, как весенняя листва, полоска змеиной кожи. Унаи, едва ли замечающий что-нибудь в порыве исследовательского интереса, без стеснения залез под ткань, кое-как прикрывающую тело.

– Похоже на витилиго, но как это вообще возможно? Наги могут принимать что-то вроде человеческой формы, но как людям нам ни к чему чешуя. В истинной змеиной форме мы полулюди, но я ни разу не видел, чтобы у кого-нибудь чешуя проступала на верхней половине тела, только на хвостах… – бормотал Унаи, то тыкая, то поддевая пальцем интересующую его аномалию.

Зое даже пикнуть не успела, когда он подхватил щипцами участок кожи и сделал разрез молниеносным движением скальпеля. Кусок плоти Зое остался на его инструменте и вскоре перекочевал на стеклянную поверхность. Унаи быстро прикрыл свой трофей еще одним стеклышком и повернулся к подопытной.

Ничего страшного. Страшно было, когда меня за ногу цапнул крокодил, – утешила себя Зое.

Пугала ее совсем не боль. Куда больше нагайна беспокоилась из-за взгляда Унаи, который становился все менее исследовательским и все более… мужским.

Осмотрев рану, Кануль бегло обработал ее чем-то жгучим и, не найдя в ней для себя ничего интересного, встал напротив Зое.

– Теперь зубы. Открой рот, – скомандовал он.

Зое зашипела, но Кануль достал из кармана брюк записку, и одного этого движения хватило, чтобы убедить полунагайну обуздать гнев.

Зое еще раз глубоко вздохнула и снова подчинилась требованию. Унаи встал очень близко, его пальцы вцепились в подбородок нагайны, заставляя ее повернуться к свету.

– Странно. По форме тела ты человек, но у твоих челюстей сохраняется подвижность. Вот только толку от нее никакой, ведь желудок у тебя человеческий и ты не можешь переварить слишком большой кусок пищи, как настоящая змея, организм этого не выдержит.

Даже если бы Зое захотела рассказать, что подвижность челюстей только мешает ей жить, и что пару раз она выворачивала кости, просто неосторожно зевнув, то не смогла бы: Унаи все еще крепко ее держал и аккуратно тыкал пальцами в верхние клыки, но так, чтобы на его коже не осталось и царапины.

Потом он взял стеклянный пузырек и заставил Зое сцедить в него немного яда. При этом он уже стоял настолько близко, что ей пришлось неприлично раздвинуть ноги. Нагайна чувствовала мужское возбуждение собственным телом и старалась лишний раз не двигаться, чтобы не усугублять ситуацию. Она даже дышала через раз и могла только надеяться, что исследовательский интерес окажется в Унаи сильнее обычных человеческих потребностей.

Закупорив матово блестящий пузырек, Унаи поставил его на полку, но отходить и не думал. По-хозяйски сжал руку на бедре подопытной и со знакомой ей плотоядной улыбкой наклонился ниже.

– Один знакомый рассказывал мне, что ты очень гибкая… в постели, – прошептал он, и Зое сжала зубы. – Это я тоже хочу проверить.

Нагайна покосилась на скальпель, тот заманчиво поблескивал отполированным металлом острия. Даже потянулась к нему, но Унаи перехватил ее руку.

– Не делай глупостей. За нападение на помощника посла тебя точно отсюда выгонят, – хватка Унаи стала крепче.

Зое все еще могла бы выбраться, но боролась с собой и с отвращением, которое вызывало каждое новое прикосновение нага. Свойское, бесцеремонное, отвратительное обращение.

– Ты обещала, что исполнишь все мои требования. Так давай же, покажи, что ты на самом деле особенная. Единственная в своем роде наполовину змея, наполовину человек, – последние пару слов Унаи прошипел ей на ухо, свободной рукой вцепляясь в волосы и оттягивая их, чтобы открыть шею.

Зое зажмурилась, подавляя желание выругаться. Ей не раз предлагали что-то подобное: секс в обмен на услугу, на деньги, на информацию. Находилось немало извращенцев, которых почему-то возбуждала мысль о чешуе на женском теле. Но нагайна всякий раз отказывалась, держась за эти отказы, как за последние рубежи.

Да, она была обманщицей, воровкой, черной торговкой. Она травила, шантажировала, продавала ложные сведения, выносила из-под носа Отто Шиу самые редкие и дорогие вещицы в старинных пирамидах, которые много тысяч лет назад строили ее предки. Но по крайней мере она не была шлюхой.

До сегодняшнего дня.

Все ее естество вопило нет!, но Зое, сцепив зубы, терпела наглые руки, которые обшаривали ее тело. С задержкой в пару мгновений, но безропотно подчинялась требованиям, чувствуя себя марионеткой в руках судьбы.

Наклонись… расстегни…

Она разумеется не была невинной, но прежде ей никогда не слушалось заниматься этим против собственной воли.

Омерзительно. Но я должна… – напомнила она себе, чувствуя, что Унаи уже достаточно возбужден.

И как девственница в первую брачную ночь, зажмурилась, готовясь ощутить боль.

Но в дверь вдруг забарабанили так, что от громкого звука задрожали стены.

Унаи проигнорировал звук, но из-за двери раздался голос, который заставил вздрогнуть и его, и Зое.

– Кануль, открой немедленно! – пробасил Отто Шиу.

– Какого… – Унаи бросил на Зое полный подозрения взгляд, но она растерянно пожала плечами, еще более удивленная, чем ее несостоявшийся насильник.

До того, как дверь распахнулась, Зое успела спрыгнуть со стола, но так и осталась зажата между столешницей и телом Унаи, пригвожденная к месту яростью в глазах профессора.

– Господин Шиу, я… – начало было оправдываться Унаи, но Отто, будто не видя ничего вокруг, оттолкнул его и встал напротив Зое.

Нагайна выпрямилась, совершенно не понимая, что происходит. Профессор осмотрел ее и только убедившись, что кроме царапины, оставленной скальпелем на чешуе, у нее нет никаких повреждений, отступил.

– Вон отсюда, – бросил он Зое, отворачиваясь.

Студентка решила не спорить и принялась торопливо натягивать одежду. В процессе она мучилась в догадках, пытаясь понять, почему сам господин Шиу на ночь глядя притащился в спальню к студенту и по совместительству своему помощнику, но оба мужчины молчали, пока она кое как затягивала шнуровку корсета.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.